

Глава 21. Придётся продать землю

Мяо Ин вместе с Ли Хунъин собирал вещи. Он впервые оказался в её комнате и увидел, что обстановка здесь ничуть не лучше, чем в его собственной: рядом с обычной кроватью была наскоро сооружённая лежанка из двух табуретов, на которой лежало одеяло — пусть не новое, но аккуратное и чистое.

Матрас на большой кровати выглядел так, будто успел покрыться пылью.

Ли Хунъин улыбнулась:

— Я брезгую. С тех пор как он ушёл к любовнице, мы всё время спим порознь.

Мяо Ин с полным одобрением кивнул, а про себя даже мысленно показал Ли Хунъин большой палец.

Вещей у неё было совсем немного. За эти годы в доме жилось туго, новых платьев она почти не покупала, приданое давно распродала, да и серебряных украшений, какие бывают у других женщин, у неё не было. Обычно она либо повязывала на голову платок, либо закалывала волосы деревянной шпилькой.

Сердце Мяо Ина сжалось от жалости, когда он увидел, как она аккуратно складывает несколько поношенных одежд. Помолчав, он сказал:

— Потом, когда Хо Син начнёт зарабатывать, то купит вам новое.

Хо Син кивнул. Он с рождения казался человеком холодным и немногословным, но прекрасно понимал, сколько Ли Хунъин для него сделала: настояла, чтобы он учился охоте, приняла в дом совершенно постороннего Хо Сяобао, хлопотала о его женитьбе... Казалось, она никогда не жила для себя.

Он посмотрел на Ли Хунъин, не зная, как подобрать слова. Она поднялась и легко похлопала его по плечу.

— Мама, дальше всё будет только лучше.

Он обязательно заработает много денег, сделает так, чтобы мама и бабушка больше не надрывались, вырастит Хо Сяобао как следует. А если Мяо Ин будет не против, он и о нём позаботится.

Ли Хунъин лишь улыбнулась. За долгое время сборов ей удалось набить всего один узелок. У бабушки дела обстояли так же: личных сбережений у неё почти не было, больше всего вещей оказалось у Хо Сяобао. Самое громоздкое — несколько поминальных табличек: отца и старшего брата Хо Сана.

Тут Мяо Ину стало совсем неловко. Бабушка, наверное, копила какие-то деньги, но он всё украл, и теперь у неё не осталось даже на гроб. В душе он твёрдо решил, что обязательно найдёт этого самого Чэнь Эрва и заберёт деньги обратно!

Хо Сан и Чжан Хунъэр вернулись довольно рано. Чжан Хунъэр, похоже, нарочно хотела покрасоваться: сегодня она повязала ярко-красный платок и даже подкрасила щёки и губы румянами.

Увидев её лицо, Мяо Ин воскликнул:

— Мама, разве Хо Син уже не женат? Почему тогда сваха снова пришла на смотрины?

Хо Син посмотрел на него со сложным выражением лица.

Лицо Чжан Хунъэр мгновенно помрачнело, а Ли Хунъин лишь равнодушно бросила на неё взгляд, поправила на себе одежду и сказала Хо Сану:

— Пойдём.

Хо Сан шевельнул губами, словно хотел что-то сказать, но Чжан Хунъэр дёрнула его за рукав. Он замялся, а Ли Хунъин уже успела выйти за ворота. Делать было нечего — Хо Сан пошёл за ней к дому старосты.

В деревне все дела, будь то свадьбы, похороны или разводы, сначала решались у старосты. Он составлял брачные договоры, потом сам ехал в уездное управление менять записи в подворных книгах. При расставаниях или изгнании жены, староста обычно пытался примирить стороны, и лишь если это не удавалось, дело доходило до властей.

Старосту деревни Нанькоуба звали Сюй. В его роду когда-то были учёные люди, один из предков даже служил чиновником. Позже семья пришла в упадок, но сам он умел читать и писать, а также пользовался в деревне большим уважением.

У дома старосты Сюя был просторный двор, обычно все деревенские дела решались именно там. Семья Ли Хунъин бывала здесь редко. В прошлый раз они приходили из-за Хо Сяобао.

— Староста, сегодня мы пришли, чтобы оформить отдельное расставание с Хо Саном.

Староста Сюй, с длинной бородой, выслушав её, на миг опешил, а затем, словно решив, что она просто не понимает, что говорит, нахмурился:

— Расстаться? В таком-то возрасте и расставаться?

Хо Сан невольно перевёл дух. Если честно, он вовсе не хотел, чтобы Ли Хунъин ушла из дома: ему всё время казалось, что тогда обязательно случится что-то непредсказуемое.

— Староста, дальше так жить невозможно, — Ли Хунъин вытерла уголки глаз рукавом. — Не побоюсь стать посмешищем: я уже почти бабушка. Несколько лет назад я признала Сяобао, а теперь мой муженёк ещё и собирается взять себе вторую жену. Куда мне девать это лицо?

Староста неплохо знал Хо Сана и все эти их позорные, перевёрнутые с ног на голову семейные дела. Теперь, увидев рядом с ним эту жеманную, вызывающую женщину, он сразу понял, почему Ли Хунъин настаивает на расставании.

Он тяжело вздохнул:

— Ты точно решила?

Ли Хунъин твёрдо кивнула:

— Не только расстаться. Я заберу с собой и мать.

— Такого не бывает, — резко сказал староста. — Расстаться можно. Но тогда ты уходишь из

семьи Хо одна.

Ли Хунъин промолчала, и тут слово взял Мяо Ин, стоявший за её спиной:

— Староста, вы и сами видите, разве он способен прокормить семью? Разве он сможет как следует позаботиться о бабушке? Если уж говорить прямо, без моей матери, бабушка, возможно, и до сегодняшнего дня бы не дожила!

Хо Син ничего не сказал, но встал рядом с Ли Хунъин, ясно показывая, на чьей он стороне.

Услышав эти слова, Хо Сан вскинул руку, собираясь ударить. Но Мяо Ин, уже оправившийся после болезни, холодно перехватил его запястье. В тот же миг Хо Син оттащил Мяо Ина себе за спину и, не отводя взгляда, уставился на Хо Сана.

— Сегодня мать решила расстаться. Я как сын, разумеется, её поддерживаю. И она не может просто так уйти из семьи Хо. Когда-то она внесла свои приданные деньги, чтобы покрыть его долги по заёмным распискам, так что теперь нужно обязательно их вернуть, — сказал Хо Син.

Это был первый раз, когда Мяо Ин услышал от Хо Сина такую длинную речь. Он приподнял брови: оказывается, его муж и говорить умеет... а то обычно хоть палкой бей, слова не вытянешь.

— Этого не будет, — вмешалась Чжан Хунъэр. — С каких это пор женщина, ушедшая от мужа, забирает из его дома серебро?

— А ты вообще кто такая? — Мяо Ин шагнул к ней. Он знал, что Хо Сину неловко напрямую сцепляться с Чжан Хунъэр, а уж язвить и быть злым — это как раз по его части. — Тебя кто-то спрашивал? Ты ещё даже в дом не вошла. Вот войдёшь, тогда и рот откроешь.

У старосты уже голова шла кругом. Больше всего он не любил разбирать такие семейные дразги. Обычный развод — ещё куда ни шло, а тут дело зашло о хозяйстве и деньгах, совсем тяжко. Видя, что спор не утихает, он просто сказал:

— Тогда идите в уездную управу. Пусть чиновник решит это дело.

Для простого крестьянина вроде Хо Сана поход в управу был страшнее всего. Он только и выдавил:

— Может, тогда и не расставаться?

Ли Хунъин покачала головой:

— Тогда прошу старосту помочь всё уладить. Завтра можно?

Видя, что Ли Хунъин непреклонна, а Чжан Хунъэр рядом вот-вот расплатится, Хо Сан наконец сказал:

— Ладно, развод — так развод. Своё приданое ты заберёшь. Но мать с тобой не пойдёт.

Он всё-таки дорожил своей репутацией и не хотел стать неблагодарным сыном.

Ли Хунъин усмехнулась:

— Какое ещё приданое у меня осталось? Решим всё так: завтра идём в уездную управу и

просим честного священника-чиновника нас рассудить. Каков бы ни был исход, я его приму.

У Чжан Хуньэр дрогнуло сердце. Она сбежала из публичного дома, у неё вовсе не было на руках документов. Если дело дойдёт до суда, её непременно отправят обратно в то тёмное, безысходное место. С таким трудом она заполучила нынешнюю жизнь и никак не могла позволить себе этот риск.

Мяо Ин внимательно следил за выражением её лица и примерно понял, о чём она думает. Скорее всего, всё упиралось в её прошлое, вот почему она так боится идти в управу. В старые времена к таким вещам относились строго. Похоже, сейчас даже само небо было на стороне матери.

Поход этот оказался не напрасным. Мяо Ин с Ли Хуньин шли впереди, Хо Син держался позади, нарочно отсекая расстояние между ними и Хо Саном. Мяо Ин тихо сказал Ли Хуньин, поделившись своими догадками:

— Похоже, дело почти решено. Думаю, он точно станет продавать землю. Всё равно он её обрабатывать не умеет, да и, может, будет только рад... сейчас он ещё и играть пристрастился. Земля у него так или иначе уйдёт с молотка. Так пусть лучше сейчас продаст, а мы разделим.

Позади них Хо Сан и Чжан Хуньэр тоже шёпотом обсуждали, что делать дальше. Чжан Хуньэр тянула Хо Сана за рукав, говоря, что не хочет идти в уездную управу.

— Я ведь раньше была в публичных домах, — она говорила с видом полной заботы о нём. — Если дело дойдёт до суда, то вдруг там раскопают прошлое? Тебе же будет стыдно. Давай лучше немного уступим, дадим ей что-нибудь.

— Да что у нас есть, чтобы ей дать? — вздохнул Хо Сан. Он хорошо знал положение дел в доме. Деньги, которые он в последнее время тратил на Чжан Хуньэр, были взяты под грабительский процент, и он как раз рассчитывал покрыть долги за счёт её средств.

Они оба строили свои расчёты, каждый тая собственные мысли.

— Разве ты не говорил, что у вас ещё есть земля? — безразлично сказала Чжан Хуньэр. — Продадим её часть и всё. Я всё равно землю обрабатывать не собираюсь, зачем её держать? Лучше обменять на серебро.

— Но земля ведь... — начал было Хо Сан.

Земля была основой их жизни. Ради этих наделов они в молодости немало потрудились. Если вот так просто всё продать, как потом удержаться в деревне?

— Потом, когда появятся деньги, выкупим обратно, — отмахнулась Чжан Хуньэр. — Разве сейчас не важнее наш ребёнок?

— Тогда ладно, — подумав о ребёнке в её животе, Хо Сан наконец выдохнул. Его всегда грызло, что Хо Син родился туповатым. Если же у него появится смыслёный, живой ребёнок, значит, всё это было не зря. — Продадим землю.